

(1)Наконец я приехал в Одессу. (2)Этот огромный южный порт был, для моих шестнадцати лет, дверью мира, началом кругосветного плавания, к которому я стремился, имея весьма смутные представления о морской жизни.

(3)Я проводил дни на улицах, рассматривая витрины или бродя в порту, где на каждом шагу открывал Америку. (4)Здесь бился пульс мира. (5)«Береговой командой» были матросы, кочегары и другие мелкие служащие, почему-либо неспособные временно находиться на корабле. (6)Можно здесь было встретить также отставшего от рейса молодого матроса или живущего в ожидании места какого-нибудь старого служащего.

(7)Отсюда-то и совершал я свои путешествия в порт, упиваясь музыкой рёва и грома, свистков и криков, лязга вагонов на эстакаде и звона якорных цепей, а также голурым заревом свободного синего Чёрного моря. (8)Я жил в полусне новых явлений. (9)Тогда один случай, может быть незначительный в сложном обиходе человеческих масс, наполняющих тысячи кораблей, показал мне, что я никуда не ушёл, что я не в преддверии сказочных стран, полных беззаветного ликования, а среди простых, грешных людей.

(10)В казарму привезли раненого. (11)Это был молодой матрос, которого товарищ ударил ножом в спину. (12)Поссорились они или не поделили чего-нибудь — этого я не помню. (13)У меня только осталось впечатление, что правда на стороне раненого, и я помню, что удар был нанесён внезапно, из-за угла. (14)Уже одно это направляло симпатии к пострадавшему. (15)Он рассказывал о случае серьёзно и кратко, не выражая обиды и гнева, как бы покоряясь печальному приключению. (16)Рана была не опасна. (17)Температура немного повысилась, но больной, хотя и лежал, ел с аппетитом и даже играл в карты с соседями.

(18)Вечером раздался слух: «Доктор приехал, говорить будет». (19)Доктор? (20)Говорить? (21)Я направился к койке раненого. (22)Доктор, пожилой человек, по-видимому сам лично принимающий горячее участие во всей этой истории, сидел возле койки. (23)Больной, лёжа, смотрел в сторону и слушал. (24)Доктор, стараясь не быть назойливым, осторожно и мягко пытался внушить раненому сострадание к судьбе обидчика. (25)Он послан им, пришёл по его просьбе. (26)У него жена, дети, сам он военный матрос. (27)Он полон раскаяния. (28)Его ожидают каторжные работы.

— (29)Вы видите, — сказал доктор в заключение, — что от вас зависит, как поступить: «по закону» или «по человечеству». (30)Если «по человечеству», то мы замнём дело. (31)Если же «по закону», то мы обязаны начать следствие, и тогда этот человек погиб, потому что он виноват.

(32)Была полная тишина. (33)Все мы, сидевшие, как бы не слушая, по своим койкам, но не проронившие ни одного слова, замерли в ожидании. (34)Что скажет раненый? (35)Какой приговор изречёт он? (36)Я ждал, верил, что он скажет: «По человечеству». (37)На его месте следовало простить. (38)Он выздоравливал.

(39)Он был лицом типичный моряк, а «моряк» и «рыцарь» для меня тогда звучало неразделимо.

(40)Его руки до плеч были татуированы фигурами тигров, змей, флагов, именами, лентами, цветами и ящерицами. (41)От него несло океаном, родиной больших душ. (42)И он был так симпатично мужествен, как умный атлет...

(43)Раненый помолчал. (44)Видимо, он боролся с желанием простить и с каким-то ядовитым воспоминанием. (45)Он вздохнул, поморщился, взглянул доктору в глаза и нехотя, сдавленно произнёс:

— Пусть... уж... по закону.

(46)Доктор, тоже помолчав, встал.

—(47)Значит, «по закону»? — повторил он.

—(48)По закону. (49)Как сказал, — кивнул матрос и закрыл глаза.

(50)Я был так взволнован, что не вытерпел и ушёл на двор. (51)Мне казалось, что у меня что-то отняли.

(52)С этого дня я стал присматриваться к морю и морской жизни с её внутренних, настоящих сторон, впервые почувствовав, что здесь такие же люди, как и везде, и что чудеса — в самих нас.

(По А. Грину)